

Козлов Александр Петрович

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА КАЗАХСТАНА В ГОДЫ НЭПА

В статье рассматриваются социально-экономические аспекты эволюции традиционного казахского аула и переселенческой деревни Казахстана в 1920-е гг. По мнению автора, столыпинская аграрная реформа, прерванная Октябрьским переворотом, в новой форме была продолжена в годы нэпа и привела к существенной социальной дифференциации в крестьянской среде. Разразившийся в 1927-1928 гг. хлебозаготовительный кризис, который начался с территории Сибири и Северного Казахстана, стал своеобразной кульминацией реформы и привел к резкому повороту в аграрной политике советской власти в конце 1920-х гг.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/2-2/22.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 2 (28): в 2-х ч. Ч. II. С. 91-94. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/2-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 94(47)+338

Исторические науки и археология

В статье рассматриваются социально-экономические аспекты эволюции традиционного казахского аула и переселенческой деревни Казахстана в 1920-е гг. По мнению автора, столыпинская аграрная реформа, прерванная Октябрьским переворотом, в новой форме была продолжена в годы нэпа и привела к существенной социальной дифференциации в крестьянской среде. Разразившийся в 1927-1928 гг. хлебозаготовительный кризис, который начался с территории Сибири и Северного Казахстана, стал своеобразной кульминацией реформы и привел к резкому повороту в аграрной политике советской власти в конце 1920-х гг.

Ключевые слова и фразы: аул; переселенческая деревня; совхоз; социальная дифференциация; социальная структура; традиционное хозяйство.

Александр Петрович Козлов, к.и.н., доцент

Кафедра истории и политологии

Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики

petrovich138@yandex.ru

СОЦИАЛЬНАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ КРЕСТЬЯНСТВА КАЗАХСТАНА В ГОДЫ НЭПА[©]

Проблема социальной дифференциации советского доколхозного крестьянства в годы нэпа традиционно является объектом значительного внимания исследователей. По данной теме накоплена существенная по объему и научным достижениям литература. Вместе с тем многие вопросы изменений, произошедших в социальной структуре крестьянства 1920-х гг., требуют своего дальнейшего изучения.

Прежде всего, следует отметить, что, на наш взгляд, как в советской, так, зачастую, и в современной историографии явно преувеличивается роль в решении аграрного вопроса пришедших к власти в октябре 1917 г. большевиков, которые на самом деле практически не контролировали ситуацию в деревне [7; 9]. Вероятно, следует согласиться с мнением Н. А. Бердяева о том, что «большевики не направляли революции, а были лишь ее послушным орудием» [1]. Аграрное законодательство советской власти 1917–1918 гг. («Декрет о земле» и «Основной закон о социализации земли»), как известно, не соответствовало большевистской доктрине, было вынужденной мерой, уступкой крестьянству, с которым в условиях назревающей гражданской войны следовало найти компромисс. Идеалом большевиков был, как известно, не «мелкокрестьянский рай», а организация крупных агропромышленных комплексов на государственной земле. Эта идея была изложена Лениным еще в «Апрельских тезисах», когда он говорил о необходимости образования из национализированных крупных имений образцовых хозяйств «под контролем батрацких депутатов и на общественный счет» [8, с. 115].

Вместе с тем, укрепив власть, большевики ещё в феврале 1919 г. попытались вернуться к своей аграрной программе, приняв «Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию». В положении, ставящем основной целью «переход от единоличных форм землепользования к товарищеским», указывалось, что «на все виды единоличного землепользования следует смотреть как на проходящие и отживающие» [10]. На немногочисленных национализированных помещичьих, удельных и церковных землях предполагалось создать коммуны и совхозы с высокой культурой производства.

Эта идея также закончилась неудачей. Образцовых хозяйств, как известно, из коммун и совхозов, которые были мелкими островками в океане общинного и единоличного землепользования, создать так и не удалось. Крестьяне не стремились идти в коммуны и с недоверием относились к совхозам, метко окрестив их «советскими поместьями». С переходом к нэпу коммуны и совхозы были переведены на самоокупаемость и хозрасчет. В результате основная часть коммун и совхозов разорилась [3].

В марте 1921 г. наступил очередной этап советских земельных преобразований – новая экономическая политика (НЭП), - который означал отказ от немедленного осуществления социалистических преобразований в аграрном секторе.

В мае 1922 г. был принят «Основной закон о трудовом землепользовании», решительно изменявший действовавшее до тех пор земельное право. По сути, большевики вернулись к основным положениям столыпинской аграрной реформы, несколько расширив возможности крестьян. Отныне крестьяне могли пользоваться своей землей как угодно: оставаться в составе общины (сельского общества), выделиться на отруб, уйти на хутор, объединиться в артель или колхоз.

За годы нэпа произошла серьезная дифференциация в крестьянской среде, которая имела свои особенности в различных регионах страны, в том числе в Казахстане, социально-экономическое положение которого в рассматриваемый период было довольно своеобразным.

В Казахстане, в отличие от Центральной России, где произошел «черный передел», который привел к «осереднячиванию» деревни, аграрные преобразования начались много позднее и имели иную направленность. Главной целью проводившихся в крае аграрных реформ было не уравнильное наделение землей,

а перераспределение земельного фонда в пользу коренного населения. Систематические землеустроительные работы в Казахстане начались лишь с середины 1920-х гг. [4].

В результате социальная структура и социальные отношения в деревне и ауле Казахстана второй половине 1920-х гг. были еще более сложными и запутанными, чем в Центральной России. Наиболее полные сведения о социальной структуре крестьянства Казахстана и характере производственных отношений в ауле и деревне, дает анализ материалов гнездовых переписей и весенних опросов крестьянских хозяйств, ежегодно проводившихся статическими органами Казахстана.

Универсальными критериями для определения социальной принадлежности крестьянских хозяйств казахстанской деревни, основным занятием которых являлось земледелие, могут служить обеспеченность их рабочим скотом и сельскохозяйственным инвентарём, а также размер посевов, так как последний можно считать суммарным результатом распределения между крестьянскими хозяйствами средств производства. Для аульных хозяйств основным критерием следует признать размер общего поголовья скота.

В 1920-е гг. статистические органы Казахстана, также использовавшие в качестве критерия мощности крестьянских хозяйств деревни, обеспеченности их посевами, выделяли следующие группы хозяйств: «низшую» – беспосевную и с посевом до 4,1 дес., «среднюю» – от 4,1 до 16,1 дес., «высшую» – с посевом свыше 16,1 дес. земли [11, д. 83, л. 25].

Согласно данным выборочных переписей, за годы нэпа в деревне Казахстана произошли значительные сдвиги в обеспеченности крестьян землей – увеличение удельного веса среднепосевных и уменьшение малопосевных хозяйств при значительном росте высшей группы. С 1924 г. по 1928 г. доля хозяйств с посевом до 4,1 дес. уменьшилась с 52,90% до 32,66 %, доля хозяйств с посевом от 4,1 до 16,1 дес. увеличилась с 39,50% до 52,55%, а доля хозяйств с посевом свыше 16,1 дес. возросла почти вдвое - с 7,6% до 14,79 % [2, с. 374].

Конечно, размер посева является в значительной степени условным критерием для определения социальной принадлежности крестьянского хозяйства. Вместе с тем анализ обеспеченности крестьянских хозяйств деревни рабочим скотом и инвентарем свидетельствует о том, что данный критерий в основном правильно отражает характер ее социальной дифференциации.

Деревня Казахстана испытывала острую нужду в обеспеченности рабочим скотом и орудиями сельскохозяйственного производства. По данным Казнаркомзема, в 1928 г. в Петропавловском округе один плуг приходился в среднем на два хозяйства, одна сеялка – на 20 крестьянских хозяйств [14, д. 609, л. 72]. Тяговая сила и орудия труда размещались неравномерно – чем слабее было хозяйство, тем менее оно было обеспечено рабочим скотом и сельскохозяйственным инвентарем. По материалам весенних обследований 1927 г., из 17 416 обследованных хозяйств, хозяйства с посевом до 4,1 дес. (6 892 хозяйств) владели 3 620 головами рабочего скота, с посевом от 4,1 до 16,1 дес. (9 689 хозяйств) – 13 442 головами, с посевом свыше 16,1 дес. (835 хозяйств) – 2 546 головами [15, д. 42, л. 6, 25]. Таким образом, в каждой посевной группе на 1 хозяйство приходилось соответственно 0,5; 1,4; 3,1 голов рабочего скота. В 1926 г. в деревне Акмолинской губернии сельскохозяйственный инвентарь между различными категориями крестьянства распределялся следующим образом: группа хозяйств с посевом до 4,1 дес. владела 12,1% сельскохозяйственных орудий; с посевом от 4,1 до 16,1 дес. – 61%, с посевом свыше 16 дес. земли – 26,9% [13, с. 46–47].

Неравномерность распределения орудий и средств производства имела не только количественную, но и качественную составляющую. Если основная часть средств производства бедняцких и середняцких хозяйств состояла из простейших пахотных орудий (плуг, деревянная соха, борона) и уборочной техники (конные грабли, сенокосилки), то зажиточные хозяйства, напротив, владели, как правило, более совершенными орудиями производства и сельскохозяйственными машинами (сеялки, молотилки, веялки).

В распоряжении зажиточно-предпринимательской группы хозяйств в 1927 г. находилось более 40% сельскохозяйственных машин и усовершенствованных орудий производства. При этом следует отметить, что в отличие от бедняцко-батрацких слоев деревни, пользовавшихся усовершенствованными орудиями труда коллективно, зажиточные крестьянские хозяйства лично владели усовершенствованным инвентарем [15, д. 53, л. 71].

Крестьянство аула во второй половине 1920-х гг. также не было социально однородным. Однако соотношение социальных групп крестьянства в ауле и деревне было различным. Отличительной чертой социальной структуры аула являлся более высокий удельный вес бедняцких хозяйств. Так, например, в Кустанайском округе, по данным выборочных весенних обследований 1928 г., бесскотные крестьянские хозяйства составляли 0,42%, хозяйства с 1–5 головами скота – 57,65%, хозяйства с 5–25 головами – 38,70%, имевшие более 25 голов скота – 3,23% [Там же, л. 11, 15].

Анализ материалов весенних обследований также позволяет установить прямую зависимость между обеспеченностью крестьянских хозяйств аула скотом и размером посевных площадей. Так, например, в Кустанайском округе в 1928 г. 92% хозяйств без скота и со скотом до 5 голов засеивали не более 3,1 дес. пашни, тогда как в группе хозяйств со скотом от 5 до 25 голов и в группе хозяйств, имевших свыше 25 голов скота, средний размер посева колебался от 3,1 до 10,1 дес. земли. Посевная площадь, превышающая 10,1 дес. земли, в казахских хозяйствах была довольно редкой. Основная часть этих хозяйств принадлежала к высшим социальным группам аула [Там же, л. 21].

Согласно данным экспедиции Всесоюзного переселенческого комитета, 16,8% аульных хозяйств Казахстана не имело рабочего скота, 18,9% - имело одну, 38% – две-три, 26,3% – от четырех и более голов рабочего скота [12, с. 70].

Казахский аул в еще большей степени, чем деревня, испытывал нужду в орудиях производства. В 1928 г. в Петропавловском округе один плуг и одна борона в среднем приходились на 6, одна жнейка – на 25, а одна сеялка – на 100 крестьянских хозяйств. Более 94,8% бедняцких и около 58,5% середняцких аульных хозяйств вообще не имело инвентаря [14, д. 609, л. 72]. В Кустанайском округе удельный вес безынвентарных бедняцких и середняцких хозяйств в ауле составлял, соответственно, 83,4% и 37,8%. Остальные бедняцкие и середняцкие хозяйства имели либо только пахотный инвентарь, либо усовершенствованный инвентарь коллективного пользования. Удельный вес бедняцких и середняцких хозяйств с усовершенствованным инвентарем единоличного пользования был незначительным. В группе хозяйств, имевших более 25 голов скота, напротив, преобладали хозяйства с усовершенствованным инвентарем, находящимся в их индивидуальной собственности [15, д. 53, л. 26].

Дифференциация крестьянских хозяйств была бы еще более существенной, если бы не координировалась социальной направленностью экономической политики советской власти в годы нэпа, оказывавшей помощь беднейшим слоям крестьянства и сдерживавшей рост зажиточных слоев деревни и аула [5, с. 119–120]. Бедняцкие и маломощные середняцкие хозяйства освобождались от сельскохозяйственного налога, получали долговременные беспроцентные кредиты со стороны государства, а в потребительской кооперации им предоставлялись льготы в приобретении дефицитных промышленных товаров и сельскохозяйственной техники. В Кустанайском округе от сельскохозяйственного налога по необлагаемому минимуму, по бедняцкому фонду и другим причинам было освобождено в 1927 г. 22%, а в 1928 г. – 47% крестьянских хозяйств [11, д. 173, л. 121]. На долю бедняков и середняков приходилось более 35% всех государственных кредитов и реализованных через торговую сеть машин и другой сельскохозяйственной техники [Там же, л. 41].

Основное бремя налогов ложилось на зажиточные слои населения деревни и аула. Только за два года, прошедшие после XV съезда ВКП(б) (декабрь 1927 г.), в Казахстане с 55 900 так называемых «кулацко-байских хозяйств» путем индивидуального обложения было взыскано 14 171,6 тыс. рублей [6, с. 361]. В дальнейшем удельный вес этой группы в налогообложении еще более возрос.

Но, несмотря на все предпринимаемые меры, темпы дробления крестьянских хозяйств только усиливались. Зажиточные слои деревни и аула пытались уйти из-под налогового пресса путем искусственного деления своих хозяйств. Именно крупные единоличные хозяйства были основными поставщиками зерна на рынок. Окрепнув к концу 1920-х гг., они стали придерживать хлеб, не спеша сдавать его по закупочным ценам. Это привело к серьёзному кризису, широко известному в исторической литературе под названием «хлебозаготовительного кризиса» 1927–1928 гг., который, как известно, начался в Сибири и зерновых районах Северного Казахстана и привел к резкому повороту в аграрной политике советской власти в конце 1920-х гг.

Список литературы

1. Бердяев Н. А. Размышления о русской революции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.philosophy.ru/library/berd/rev.html> (дата обращения: 26.12.2012).
2. Дахштейгер Г. Ф. Социально-экономические преобразования в ауле и деревне Казахстана (1921–1929 гг.). Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1965. 530 с.
3. Козлов А. П. Аграрно-крестьянский вопрос в переломные периоды русской истории [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем. 2012. № 7 (15). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/7/kozlov.pdf> (дата обращения: 26.12.2012).
4. Козлов А. П. Аграрные преобразования в Казахстане в 20-е гг. XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20). Ч. I. С. 116–119.
5. Козлов А. П. Социально-экономические преобразования в казахском доколхозном ауле второй половины 1920-х гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 12 (26). Ч. I. С. 118–122.
6. Коллективизация сельского хозяйства Казахстана (1926 - июнь 1941 г.): документы и материалы / под ред. А. Б. Турсунбаева. Алма-Ата: Казахстан, 1967. Ч. 1. 576 с.
7. Ланской Г. Н. Современные историографические концепции аграрной истории России второй половины XIX – начала XX в.: традиции и новаторство [Электронный ресурс] // Новый исторический вестник. 2007. № 1 (15). URL: http://www.nivestnik.ru/2007_1/04.shtml (дата обращения: 26.12.2012).
8. Ленин В. И. О задачах пролетариата в данной революции // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд-е 5-е. М.: Политическая литература, 1981. Т. 31. С. 113–118.
9. Мельникова Т. А. Историография аграрной политики СССР 30-х гг. [Электронный ресурс] // Историческая и социально-образовательная мысль. 2009. № 2. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/istoriografiya-agrarnoy-politiki-sssr-30-h-gg> (дата обращения: 26.12.2012).
10. Основной закон о трудовом землепользовании [Электронный ресурс]. URL: <http://www.law7.ru/base18/part7/d18ru7881.htm> (дата обращения: 26.12.2012).
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 25.
12. Состояние сельского хозяйства Казахской АССР, пути его реорганизации и перспективы переселения (по материалам обследования Казахской АССР экспедицией ВПК ЦИК СССР за 1928 год) / под ред. Ф. В. Попова. М.: Переселенческий комитет, 1930. 192 с.
13. Справочник по статистике промышленности, сельского хозяйства и труда. Петропавловск: Акмолгубстатотдел, 1927. 85 с.
14. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 74. Оп. 2
15. ЦГА РК. Ф. 698. Оп. 2.

SOCIAL DIFFERENTIATION AMONG THE PEASANTRY OF KAZAKHSTAN DURING NEP

Aleksandr Petrovich Kozlov, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of History and Political Science
St.-Petersburg State University of Service and Economics
petrovich138@yandex.ru

The author considers the social-economic aspects of the evolution of traditional Kazakh aul and Kazakhstan resettlement village during the 1920s, substantiates that Stolypin's agrarian reform, which was interrupted with October revolution, was continued in a new form during New Economic Policy and led to essential social differentiation in peasant environment, and mentions that grain procurement crisis, which was developing from 1927 till 1928, began with the territory of Siberia and Northern Kazakhstan, became a peculiar culmination of the reform and led to a turnaround in the agrarian policy of the soviet power at the end of the 1920s.

Key words and phrases: aul; resettlement village; sovkhos; social differentiation; social structure; traditional economy.

УДК 371:378

Философские науки

В статье проводится анализ состояния института образования в Российской Федерации на современном этапе, основывающийся на диалектическом методе познания. Опираясь на объективный закон взаимодействия количественных и качественных изменений, авторы утверждают наличие в российском институте образования явного нарушения меры количественных и качественных составляющих, что привело к очевидно-ному снижению его качества, и делают гипотетико-дедуктивный вывод о деструктурирующем воздействии последнего на развитие всей общественной системы.

Ключевые слова и фразы: закон диалектики; знание; высшее образование; количественные и качественные составляющие образования; нарушение меры системы.

Ольга Валериевна Козлова, канд. филос. наук
Александр Николаевич Севелов, канд. филос. наук
Кафедра философии
Череповецкий государственный университет
philosophia@chsu.ru

**ПРОТИВОРЕЧИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ И КАЧЕСТВЕННЫХ СОСТАВЛЯЮЩИХ
РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ[©]**

Образование – неотъемлемое требование и одна из важнейших ценностей сегодняшнего общества. Являясь сложной системой, институт образования в то же время представляет собой элемент более широкой системы – общества. Диалектический метод познания исходит из понимания системы как целого, в котором все элементы взаимно связаны. Мы видим проблему современной российской действительности в том, что в ее реальной практике не находит отражения адекватное научному пониманию диалектических закономерностей управление в образовательной сфере жизни общества как на уровне принятия решений, инструкций, постановлений, так и на уровне их реализации. Практика института российского образования свидетельствует об игнорировании взаимосвязи количественных и качественных параметров, что, в свою очередь, приводит к искажению всех объективных закономерностей в российском социокультурном поле. Еще древние мыслители обратили внимание на негативные для человека последствия возможного нарушения законов мироздания в результате неоправданного субъективного вмешательства, а современный, многим более знающий, управленец от образования пытается выдать свою волю в качестве этого самого всекосмического закона. Волюнтаризм, заключающийся в игнорировании объективных законов, явно не оправдал себя в исторической практике, но мы снова наступаем на те же грабли. Предметом нашего внимания являются нарушение ряда диалектических закономерностей, в первую очередь взаимосвязи количественных и качественных составляющих образовательного процесса в современной российской высшей школе, и его последствия для общества. Важнейшим для общества требованием к образованию является его качество, проявляющееся в уровне знаний, способности самостоятельного мышления, профессионализме, мировоззренческой составляющей, потребности трудиться для реализации полученных профессиональных умений.

Так, характеризуя основные качественные признаки традиционного российского образования, И. Костинова отмечает «его направленность на фундаментальность, на основе которой только и возможно органическое сочетание приобретенной профессиональной компетенции и общего развития человека» [2, с. 117]. Понятие «общее развитие человека» является одним из важнейших характеристик стандарта качества